

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

УДК 008.009:39

РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

А.Г. Миненко

Кемеровский государственный университет
культуры и искусств

antropolog-min@mail.ru

В статье ставится задача выявления концептуальных оснований различных подходов к исследованию национального характера русских. Обосновывается приоритетное значение историко-генетического метода изучения национального характера, анализируются имеющиеся его научные разработки. Обосновывается необходимость эмпирического подтверждения историчесофского видения русского характера, свойственного русским философам.

Ключевые слова: историчесофия, народ, национальный характер, православие, русская идея, самобытность.

Национальный характер стал объектом исследования в европейской философии и науке во второй половине XVIII – XIX столетиях. Вызвано это было активным процессом нациообразования в этот период, когда формировались и стали современными большинство европейских наций. Первыми на этот путь встали Великобритания и Франция, поэтому не случайно, что первые исследования национального характера появились именно в этих странах. Аналогично в России всплеск интереса к познанию национального характера падает на период начала процесса трансформации имперского многоэтнического суперэтноса в национальное состояние (конец XIX – первые два десятилетия XX века) – процесс, который оказался прерванным в результате революционных событий и исторических катаклизмов.

В советской империи активизация интереса к проблематике национального харак-

тера падает на 1960-е – конец 1970-х годов. В этот период снижение демографической активности русских и, наоборот, активизация в этом отношении народов Средней Азии, Кавказа и Закавказья, очевидное экономическое неравенство между метрополией (РСФСР) и национальными окраинами вызвали к жизни вопрос о теоретическом определении «новой исторической общности» – советского народа, и, соответственно, о месте и перспективе русских как самого многочисленного народа в этой общности. Первое значимое исследование по русскому национальному характеру, в котором ситуация диагностировалась как начальный процесс вхождения русских в стадию формирования нации, было выполнено на рубеже 1970–1980-х годов (К. Касьянова). С тех пор наблюдается неуклонный рост количества публикаций по вопросам специфики русской и российской нации,

и в частности русского национального характера.

Важным обстоятельством, актуализирующим исследование национального характера, является опасность и непредсказуемость этнических процессов в настоящее переходное время в России, когда происходит заметная маргинализация целых социальных слоев. В сознании этих слоев причины жизненных трудностей часто видятся не столько в политических или экономических факторах, сколько в межэтнических отношениях, которые обостряются по причине таких явлений, как слабо контролируемая иммиграция, сужение рынка труда в результате этнической конкуренции, некомплементарность поведенческих стереотипов мигрантов и коренных российских этносов и т. п. Принятие официальной идеологии, в которой население России определяется как «нация на основе гражданства», и введение неологизма «россияне» не избавило от роста этнонационализма в отдельных национальных республиках.

Одним из важных индикаторов межэтнического согласия является дополнительность (комплементарность) или, наоборот, потенциальная конфронтационность этносов, которые во многом определяются стереотипами социального поведения. Об этом много писал А.Н. Гумилев. Но поведенческие стереотипы являются наиболее явным и зримым выражением этнического (национального) характера. Поэтому без новых дополнительных исследований национального характера русских как самого многочисленного этноса современной России, продвинуться в решении конкретных вопросов оптимизации этнонациональных отношений, эффективного административно-территориального деления было бы трудно.

Наиболее основательно проблематика национального характера представлена в западноевропейской философской и научной литературе, связанной с направлением этнической психологии и психологической антропологии. Оно прошло три основных этапа развития: в XVIII – XIX веках – ранний детерминистский этап (Ш.Л. Монтескьё, Д. Юм, И.Г. Гердер, И. Кант, Г. Гегель и некоторые другие); в XIX веке – этап «психологии народов» (М. Лацарус и Х. Штейнталь, И. Тэн, Г. Лебон, А. Фулье, Г. Тард, Л. Уорд, В. Вундт); в XX веке (с конца 1920-х годов до нашего времени) в рамках культурной антропологии – этап «психологической антропологии» (А. Кардинер, Р. Бенедикт, М. Мид, Г. Горер, Д. Рисмен, А. Инкельс и Д. Левинсон и др.). В отечественной литературе собственно научные работы подобного плана стали появляться лишь с конца 1960-х – начала 1970-х годов и в позднейшие годы (И.С. Кон, П.И. Гнатенко, Н.Д. Джандильдин, К. Касьянова, А.А. Мельникова и др.).

В общетеоретической литературе следует выделить отдельно работы по менталитету и ментальности, в которых присутствует предметное поле, связанное с национальным характером. Это многочисленные работы западных и отечественных исследователей, среди которых особенно важны исследования по «русской ментальности» (Г.Д. Гачев, А.И. Гудзенко, А.Я. Гуревич, П.Н. Пупкарев, Б.А. Гершунский, В.В. Колесов и др.).

Русский национальный характер чаще являлся предметом исследования не в специально-научной, а в историософской литературе, которая была связана с поисками национального пути развития, в которой разрабатывалась, употребляя популярный термин известного мыслителя, «рус-

ская идея». Первостепенными здесь являются труды Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, Г.П. Федотова. Специальную работу на материале русской литературы и публицистики XIX века («Характер русского народа») написал философ Н.О. Лосский. Она вообрала в себя большое количество наблюдений и философских рассуждений о русском национальном характере не только названных мыслителей, но и славянофилов, западников, русских писателей и критиков – В.Г. Белинского, Н.В. Гоголя, А.И. Герцена, Ф.М. Достоевского, Н.А. Добролюбова, Л.Н. Толстого, Н.Г. Чернышевского и многих других.

Наконец, имеется большой массив исследований русских историков, политологов, социологов о геополитическом и природно-хозяйственном факторах русской истории, оказывавших заметное влияние на формирование и динамику русского национального характера. Это не только классические труды С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, но также публицистические и научные работы, написанные в XX веке (Г.В. Вернадский, Д.Г. Горин, М.К. Любавский, А.В. Милов, Л.И. Новикова, Ю.В. Олейников, американец Р. Пайпс, А.П. Паршев, евразиец П.Н. Савицкий, Н.И. Цимбаев, Т. Шанин и многие другие). В изучении национального характера, кроме рассуждений Н.А. Бердяева о «власти пространств над русской душой», эта литература использовалась недостаточно, хотя без нее трудно обосновать некоторые значимые константы русского характера, проявившиеся на разных этапах развития этноса.

Традиционный обзор в исследованиях, обозначаемый как «степень изученности», обычно мало что дает для ориентации в вопросе о том, что действительно требует

первостепенного внимания исследователя конкретной научной темы. Поэтому задаче данной статьи мы видим в определении наиболее эвристического подхода к изучению «избитой» за полтора столетия, но парадоксальным образом сохраняющей свою чрезвычайную актуальность темы – о сущности русского национального характера и его роли в определении будущего развития российского (евразийского) суперэтноса. В целом наличный концептуальный и эмпирический материал позволяет, на наш взгляд, различить, по крайней мере, четыре существенно различных подхода к постижению и демонстрации русского национального характера, которые можно обозначить как *умозрительно-философский, художественно-публицистический, социально-психологический* и *историко-генетический* подходы. В данном случае мы ограничиваем ракурс своего рассмотрения и не повторяем систематизации исследовательских разработок более общего характера, в которых обычно различаются персонцентрический и культуроцентрический подходы к исследованию этнопсихологических характеристик – в западной психологической антропологии. Или в пример можно привести авторскую версию этого подхода В.Е. Кашаева¹, различающего психологическую и культурологическую версии исследования национального характера. Отметим лишь, что в исследовании «русского характера» мы придерживаемся культуроцентрического или культурологического направления.

Учитывая преобладающую – историософскую – особенность отечественной интеллектуальной традиции в осмыслении характерологических основ русской исто-

¹ Кашаев В.Е. Национальный характер: опыт философского исследования // Вестник Ивановского гос. ун-та. – 2000. – С. 14–68.

рии и культуры, мы полагаем, что философские и теоретико-методологические предпосылки для культурологического исследования национального характера русских следует искать прежде всего в традиции умозрительно-философского подхода, или «русской идеи», связанной с такими именами и течениями (кроме вышеназванных), как В.С. Соловьев, Л.П. Карсавин, И.А. Ильин, евразийство и др. Сосредоточим внимание на вкладе в осмысление русского национального характера наиболее представительной в для этого направления фигуры Н.А. Бердяева (1874–1948). Бердяев касался вопроса о сущности и отличительных особенностях национального характера русских в ряде своих работ, написанных как до Октябрьской революции в России, так и в эмиграции. Наиболее значимыми являются вышедшие во время Первой мировой войны статьи «Душа России» и «О власти пространств над русской душой», опубликованные в сборнике «Судьба России» (1918). Уточнения и дополнения к изложенной в этом сборнике концепции вносились автором и позднее, в таких работах как «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937), «Русская идея» (1946), «Самопознание» (1949).

Методология Бердяева применительно к познанию как России в целом, так и русского национального характера носит умозрительный характер. Это означает, что только посредством философского умозрения, или интеллектуальной интуиции, можно постичь русскую национально-характерологическую реальность. Этот общий принцип выражается им вполне однозначно. Так, он пишет: «Историки-позитивисты могут указать, что для характеристики русского народа я делаю выбор, выбираю немного, исключительное,

в то время как многое, обыкновенное, было иное. Но умопостижимый образ народа можно начертать лишь путем выбора, интуитивно проникая в наиболее выразительное и значительное»². Бердяева интересует, вслед за В.С. Соловьевым, «... не столько вопрос о том, чем эмпирически была Россия, сколько вопрос о том, что замыслил Творец о России, умопостижимый образ русского народа, его идея»³.

Очевидно, что этот подход находится в явном противоречии с принципом историзма. Наиболее заметно это в первой из названных работ Бердяева, в которой он провозглашает антиномичность, противоречивость русского характера как самую существенную его черту. Эти антиномии выражены замечательным литературным стилем и широко известны. Вот лишь некоторые из них. «Россия, – пишет Бердяев, – самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире. И русский народ – самый аполитический народ, никогда не умевший устраивать свою землю». И вместе с тем: «Россия – самая государственная и самая бюрократическая страна в мире; все в России превращается в орудие политики. Русский народ создал могущественнейшее в мире государство, величайшую империю»⁴. Вторая антиномия обозначает оппозицию национализма и всечеловечности, отсутствия повинности, в третьей отмечается противоречивое сочетание безграничной свободы духа, странничества и искания Божьей правды с «...неслыханным сервиллизмом и

² Лосский Н.О. Характер русского народа / Н.О. Лосский // Условия абсолютного добра. – М.: Политиздат, 1991. – С. 191.

³ Бердяев Н.А. Русская идея / Н.А. Бердяев // Самопознание: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1997. – С. 13.

⁴ Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. – М.: Мысль, 1991. – С. 10–12.

жуткой покорностью» русских⁵. Мыслитель понимает, что по такому методу подобные оппозиции можно наращивать и дальше, поэтому, не утомляя перечислением, он задает общий принцип: «Ту же загадочную антиномичность можно проследить в России во всем. Можно установить неисчислимо количество тезисов и антитезисов о русском национальном характере, вскрыть много противоречий в русской душе⁶. Позднее – в «Русской идее» – Бердяев расширил перечень антиномий: «...деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт»⁷.

Объяснение этой черты русских Бердяев развивал во многих трудах, в которых затрагивалась тема национального характера, специфики истории и культуры России. Его подход нельзя назвать полностью неисторическим, скорее он метаисторический, дополняющий и смягчающий умозрительность в трактовке национального характера. Если в «Судьбе России» Бердяев в качестве метаисторической константы русского национального характера называет лишь Большое пространство – русскую «ширь», которая соответствует шири русского харак-

тера, то позднее он углубляет эту мысль, указывая на другие константы, которые действовали и продолжают действовать на его развитие до настоящего времени. Такими константами выступают: «...природная, языческая, дионисическая стихия и аскетически-монашеское православие»⁸. В другой работе пишет: «Противоречивость русской души определялась сложностью русской исторической судьбы, столкновением и противоборством в ней восточного и западного элемента. Душа русского народа была сформирована православной церковью, она получила чисто религиозную формацию, и эта религиозная формация сохранилась и до нашего времени, до русских нигилистов и коммунистов»⁹.

Постепенно в рассуждениях мыслителя о национальном характере нарастают элементы конкретно-исторического подхода, однако провозглашаются они скорее декларативно, и тенденция к умозрительному, интуитивному схватыванию глубины предмета остается доминирующей. На подобных методологических позициях стоит и русский философ Н.О. Лосский – автор работы «Характер русского народа» (1959), выполненной на материале русской литературы, историософии и публицистики XIX – первой половины XX века¹⁰. Русский характер в ней видится как некая надисторическая, надсословная, надпрофессиональная реальность, замысленная Богом о русском народе в вечности и проявившаяся в его реальной исторической жизни.

Умозрительно-интуитивное видение русского национального характера, представленное в трудах Н.А. Бердяева,

⁵ Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. – М.: Мысль, 1991. – С. 16–19.

⁶ Там же, с. 16.

⁷ Бердяев Н.А. Русская идея / Н.А. Бердяев // Самопознание: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1997. – С. 14–15.

⁸ Там же, с. 14.

⁹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринт. воспроизв. изд. УМСА-PRESS, 1955 г. – М.: Наука, 1990. – С. 8.

¹⁰ См. Лосский Н.О. Указ. соч.

Н.О. Лосского и их последователей дает возможность субстанционального подхода к предмету исследования, который выражается в полагании констант его исторической динамики. Чаще всего выделялся в качестве такой константы пространственный фактор, точнее масштаб российского пространства. Говорилось также о таком базовом условии, как восточно-христианское или православно-византийское влияние на русскую культуру и характерологические особенности русских и других аспектах. Попытку обобщить результаты философских исследований национального русского менталитета, который фактически отождествляется с национальным характером, предпринял В.К. Трофимов¹¹. Основным результатом его исследования явилось определение сущности русского менталитета (характера), которую он, вслед за творцами русской идеи, видит в сердечном созерцании, безмерности жизненного порыва, стремлении к абсолютным ценностям, «мы»-психологии, противоречивости, любви к свободе, национальной стойкости, всечеловеческой толерантности. Нельзя не отметить, однако, что наблюдения русских философов только в конкретном контексте высказываний предстают продуктивными, порождающими многообразные ассоциации. Извлеченные из контекста, они как-то «съеживаются», превращаются в своего рода бухгалтерский отчет о «русской душе».

Второй обозначенный выше подход – художественно-публицистический – широко представлен в русской классической литературе и свободных размышлениях писателей, ученых-гуманитариев, критиков,

¹¹ Трофимов В.К. Душа России: истоки, сущность и социокультурное значение русского менталитета. – 2-е изд., испр. и доп. – Ижевск: ФГОУ ВПО «Ижевская ГСХА», 2010. – 408 с.

журналистов. Его преимущество состоит в выраженной герменевтической направленности подобного рода размышлений и исследований, которые так или иначе выполняются на основе включенного наблюдения, предполагающего общее семантическое поле объекта и наблюдателя. При этом не обязательно, чтобы исследователь, автор работы представлял свою родную культуру. Замечательные исследования такого рода представляли в свое время американские культурантропологи М. Мид и Р. Бенедикт, отечественный востоковед и журналист В.В. Овчинников «Корни дуба» – об англичанах и «Ветка сакури» – о японцах; В.А. Пронников и И.Д. Ладанов «Японцы» (1985), Дж. Оруэлл «Англичане» (1944). Сюда же следует отнести замечательные статьи-эссе о русскости и русском национальном характере Д.С. Лихачева. Жанр сложный, предполагает какую-то особую личную одаренность авторов. Что интересно, если не загадочно, это то, что у русских лучше получалось описание национальных характеров иных народов, нежели своего собственного – русского. Многие авторы открыто признавались, что утопают в несогласованности и многообразии возможных определений русского характера, его антиномической природе.

Третий из перечисленных – социально-психологический подход, который в настоящее время становится популярным в исследованиях национального менталитета русских и россиян и происходит, несомненно, из западной, преимущественно американской, психологической антропологии, называемой еще в раннем периоде направлением «культура-и-личность». В постсоветский период истории одной из наиболее значимых работ о русском национальном характере, выполненных

в этом ключе, явился труд К. Касьяновой (В.Ф. Чесноковой)¹². Рассмотрим его особенности. Главным достоинством автора комментаторами называлась «научность» ее подхода, в отличие от умозрительного рассмотрения русского национального характера, имевшего место в прошлом. Действительно, К. Касьянова использовала для сбора и анализа материала о современных русских разработанный в США «Миннесотский многофакторный личностный опросник» (MMPI). Впервые он был предложен в 1941 году американскими учеными Хозевеем и Мак-Кинли и из пособия по психоклинической практике постепенно вырос до уровня эффективного инструмента личностного анализа, дававшего валидные характеристики личности. К 1975 году он имел свыше 400 шкал, и их число продолжало увеличиваться. Главное достоинство этого теста состоит в его концептуальной нейтральности: с ним могут работать специалисты, придерживающиеся различных, вплоть до противоположных, теорий личности. Хитроумная система вопросов, внешне никак не связанных друг с другом, позволяет «вытаскивать» из человека ценную информацию о ценностных и мотивационных установках, которые сам испытуемый может не осознавать.

Продланное К. Касьяновой исследование русского национального характера в его сравнении с американским (США), хотя и выполнено явно в русле психоаналитической установки, впечатляет богатством полученных фактов и выводов, среди которых одним из важнейших явилась квалификация русских в характерологическом отношении как «эпилептоидов».

Эпилептоид – это человек, который «...упрям, не очень покладист, так как любит делать все своим способом и в свои сроки, однако делает работу тщательно, если его не подгоняют и не мешают; взрывоопасен. Но большей частью – спокоен и терпелив <...> Он, действительно, “некооперабилен” – с ним трудно согласоваться, поскольку у него свой план и темп, – но не асоциален»¹³. Нельзя не отметить также, что введенные в тексте для фиксации особенностей русского характера метафоры-неологизмы – «религиозный фундаменталист», «судейский комплекс» и др. – порождают у читателя богатый ассоциативный ряд. Однако, какую задачу решает автор в своем сочинении? На наш взгляд, не совсем академическую, как можно вначале подумать. Работа К. Касьяновой – очень русская, страстная, патриотичная. Она написана окончательно в 1982 году и явно нацелена на поиск выхода из того тупика, в котором оказалось общество «развитого социализма». А суть авторской позиции, ради которой и предпринято исследование русского национального характера, состоит в том, что этническим русским предстоит решение нерешенной в имперский и советский периоды истории задачи – переход к русскому национальному государству, что и было заявлено позднее, когда появилась возможность говорить не эзоповым языком, а прямым текстом.

Наконец, методология, на основе которой выполнена рассматриваемая работа, довольно уязвима. Выборка, на которой основаны выводы автора – 130 человек плюс материал, охватывающий несколько сотен персон из сходных отечественных исследований, тогда как американская выборка, с которой сравниваются по разным

¹² См. Касьянова К. О русском национальном характере. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 560 с.

¹³ Там же, с. 146.

показателям так называемые «средние», составляет, по крайней мере, десятки тысяч человек. Но дело даже не в этом. Здесь важны два аспекта. Основатели европейской «психологии народов» – немецкие психологи и языковеды М. Лацарус и Х. Штейнталь, предложили в 1860-е годы развивать эту психологию посредством проецирования данных индивидуальной психологии на народы и нации. Однако получили серьезный отпор от последующих философов и ученых, исключавших возможность переноса данных индивидуальной психологии на групповую – в трудах И. Тэна, В. Вундта, А. Фулье, Г. Лебона, Г. Тарда. Наш автор использует именно установку Лацаруса-Штейнтала, распространяя комплекс «эпилептоида», полученный «здесь и сейчас», и именно на индивидах – на русского человека за всю тысячелетнюю историю Руси-России. Во-вторых, принципы «базовой личностной структуры» А. Карднера и «модальной личностной структуры» А. Инкельса и Д. Левинсона¹⁴, взятые автором из психологической антропологии, к началу 1980-х годов, и даже раньше, показали свою неэффективность, так как ни того ни другого отчетливо выявить оказалось невозможным даже в малых этносах («островных культурах»), не говоря о сложных в социальном и культурном отношениях современных нациях.

Тем не менее подобные исследования продолжают осуществляться и сейчас, например, проведенное И.В. Грошевым в конце 1990-х изучение русской ментальности, в котором использовался тот же Миннесотский опросник на выборке 87 человек из

жителей г. Тамбова¹⁵. Результатом является выявление 22 (!) характерологических позиций, свойственных русским, опять же во все времена без ограничений. Набор позиций широко известен в русской национально-характерологической литературе и в последние двадцать лет «кочует» из одной публикации в другую: это открытость, свободолюбие, душевность, радушие, «беспечность в сочетании с недалковидностью», доверчивость и легковерие (здесь ссылака на Д.С. Лихачева), чувство справедливости, бегство от личного выбора и т. д. Очевидно, что данный инструментарий, о недостатках которого мы говорили, не дает прироста глубины и новизны постижения предмета – русского национального характера. Поэтому полученный современными социальными психологами и социологами материал такого рода можно использовать лишь как инструмент коррекции, верификации прежнего культур-философского материала. А.С. Перепелкин приводит данные исследования ценностных ориентаций этнических узбеков и русских, проведенного в 1984 году на Ташкентском машиностроительном предприятии, которые демонстрируют такую возможность. Широко известно наблюдение русского историка В.О. Ключевского о предпочтении русскими крестьянами труда в одиночку, когда «никто не смотрит», которое объясняется пространственно-географическими особенностями «русского труда». Оказывается, в Ташкенте через сто лет в совершенно других условиях труда индустриального социологи увидели то же самое. Узбеки предпочитают коллективные формы труда, рус-

¹⁴ Лурье С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003.. – С. 113–121, 135–142.

¹⁵ Грошев И.В. Экономические реформы в России через призму русской ментальности / И.В. Грошев // Социально-гуманитарное знание. – 2000. – № 6. – С. 25–46.

ские – рабочие и ИТР – любят работать так же как русские крестьяне – в одиночку, и отвечать только за себя и свою работу. К тому же, в отличие от предпочитающих моноэтническую («свою») среду узбеков, русские мало интересуются национальной принадлежностью работающих рядом; в отличие от уважающих начальство «за должность» узбеков, русские авторитет начальства связывают с его деловыми качествами¹⁶.

В целом можно констатировать, что проанализированные выше подходы к исследованию русского национального характера находятся в противоречии с историческим подходом, который мы считаем наиболее продуктивным в таком исследовании. К сожалению, последний оказался лишь обозначенным, но убедительно не реализованным в качестве научного «прецедента», который только и дает основание тому или иному методу легализоваться, быть принятым в науке. Однако его исходные основания заявлены вполне эксплицитно, и обнаруживаются, на наш взгляд, прежде всего, у Н.Г. Чернышевского (1828–1889) и Г.П. Федотова (1886–1951).

Н.Г. Чернышевский высказался по вопросу о национальном характере в 1888–1889 годах в связи с переводом многотомного труда немецкого историка Г. Вебера. Задолго до появления специальных трудов о русском характере он обозначил многие методологические трудности в его научном изучении, которые сохранили всю свою значимость до настоящего времени. Чернышевский блестяще продемонстрировал, что ходячее представление о древних греках как народе, характеризующемся любовью к искусству, тонким эстети-

ческим чувствам, воздержанностью в наслаждениях, умеренностью в питии вина и прочим в этом роде, следует воспринимать чисто исторически, и отнес эти характеристики только к афинянам времен от Марафонской битвы до начала Пелопонесской войны. Все это вряд ли можно применить к другим крупным полисам – Спарте, Фивам, Фессалии, Сиракузам, Коринфу, Агригенту. Он указывает на огромные различия по сословному, профессиональному, образовательному статусам внутри одного народа в современных нациях и фактически крайне пессимистически оценивает вообще возможность познания «национальных душ». В XX столетии эти трудности в постижении национального характера как целого неоднократно повторялись, но уже с дополнениями. В частности, он отмечает случайный характер национальных гетеростереотипов и отсутствие прямых и точных сведений об умственных и нравственных качествах даже наиболее известных современных народов, а также субъективизм и случайный характер появления этих стереотипов, когда сведения о какой-то малочисленной группе народа переносятся на характер целой нации¹⁷.

Чернышевский ищет более или менее прочное основание для постижения национально-характерологических особенностей и находит его в двух феноменах исторической и культурной жизни – в «форме быта» и «крупных событиях жизни народа», рекомендуя при этом исследователям ограничиваться теми «суждениями о качествах народов, какие без труда выводятся из этих достоверных и точно определенных фак-

¹⁶ Перепелкин А.С. Этнопсихология современного производства / А.С. Перепелкин // Человек. – 1990. – № 6. – С. 104–109..

¹⁷ Чернышевский Н.Г. Очерк научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1987. – Т. 2. – С. 595.

тов», и формулирует в итоге совершенно эвристическое, на наш взгляд, требование конкретно-исторического подхода к национальному характеру. В силу его значимости приведем слова самого Н.Г. Чернышевского: «Объем таких сведений гораздо менее широк, чем содержание ходячих характеристик; существенное различие его от них то, что при каждой черте ставится оговорка о том, к какой части народа и к какому времени относится суждение. Так это должно быть по серьезным понятиям о характере многочисленных групп людей»¹⁸. Очевидно, что подход Чернышевского к постижению национальных характеров не только конкретно-исторический, но и конкретно-социальный, учитывающий существенное различие типических черт характера социальных групп – сословных, профессиональных, этнических и т. п.

Г.П. Федотов, который Чернышевского не упоминает и, возможно, с этой его небольшой работой не знаком, сознательно определяет свой подход к исследованию национального характера как подход исторический и существенно углубляет его понимание¹⁹. Формировался он постепенно. Уже в статье 1918 года «Лицо России» Федотов выражает несогласие с изложением данной темы только на основе современности или недавнего прошлого: «Лицо России не может открыться в одном поколении, современном нам. Оно в живой связи всех отживших родов, как музыкальная мелодия в чередовании умирающих звуков»²⁰.

¹⁸ Там же, с. 596.

¹⁹ Федотов Г.П. Русский человек (Письма о русской культуре) / Г.П. Федотов // Судьба и грехи России: в 2 т. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 178.

²⁰ Федотов Г.П. Лицо России / Г.П. Федотов // Судьба и грехи России: в 2 т. – СПб.: София, 1991. – Т. 1. – С. 44.

Позднее в работе «На поле Куликовом» (1927) он уточняет свой метод, еще более подчеркивая пластичность национального характера: «Национальное самосознание есть непрерывно раскрывающийся духовный акт <...> Самые устойчивые национальные характеристики приходится пересматривать, перестраивать, потому что мы имеем дело с подвижным объектом (курсив автора – А. М.), с меняющимся образом. Самосознание народа непосредственно совпадает с его актуализацией»²¹.

Существенное продвижение в смысле четкости формулировок методология Федотова получила в его крупной работе «Стихи духовные», выпущенной в свет в 1935 году. Здесь Федотов решительно соглашается с идеей антиномизма, противоречивости русского национального характера, предложенной Н.А. Бердяевым, и пишет: «Формула нации должна быть дуалистична. Лишь внутренняя напряженность полярностей дает развитие, дает движение – необходимое условие всякой живой жизни»²². Вместе с тем исторический подход заявлен как основной в постижении «души народа». В историчности национального характера значима его сословно-классовая дифференциация, необходимо учитывать также хронотоп – условия пространства и времени его реализации. Наконец, нельзя не обратить внимание у Федотова на точный образ народной души, которую он считает феноменом «музыкальным». Приведем методологическую «формулу» Федотова, которая передает суть его мысли: «Смена культурных форм во време-

²¹ Федотов Г.П. На поле Куликовом / Г.П. Федотов // Судьба и грехи России: в 2 т. – СПб.: София, 1991. – Т. 1. – С. 102.

²² Федотов Г.П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). – М.: Прогресс, Гнозис, 1991. – С. 12.

ни столь же существенна для национальной жизни, как смена звуков в музыке. Музыкальное произведение необратимо и не дано в существовании элементов. Такова и «душа народа», которая раскрывается в истории и дана лишь в определенной последовательности исторических форм»²³.

Этот подход не просто общетеоретическая установка или пожелание будущим исследователям – он в общем плане использован в самой крупной работе Г.П. Федотова о русском национальном характере, названной «Русский человек» (1938). Здесь Федотов сравнивает свой метод исторической реконструкции национального характера со снятием, слой за слоем (как с луковицы), культурно-исторических пластов, пока не дойдем до неразложимого ядра. Поэтапно он прослеживает исторические напластования русского характера, оставленные варяжской, удельно-вечевого и новгородской формациями русской истории. Уделяет внимание «московскому человеку», которого рассматривает как самый могучий, устойчивый тип национального характера – «становой хребет России». Отдает дань имперскому человеку, который, с его точки зрения, двойится – «русский европеец», неутомимый строитель Империи и вечный скиталец, «лишний человек» петербургского периода. Глубокие мысли высказывает Федотов и о трансформации русского характера в советский период первых двух десятилетий его истории²⁴.

Г.П. Федотов не был единственным, который обратил внимание на многослой-

ность и потенциальную безграничность национального характера. В своей книге «Третий или четвертый человек. О смысле исторического существования» (1953) немецкий культурфилософ Альфред Вебер, видимо независимо от Федотова, приходит к мысли о высокой изменчивости, точнее даже динамичности характеров как индивидов, так и народов. Суть его сложно, «по-немецки» выраженной мысли такова. В каждый данный момент исторического бытия конкретного социума репрезентативной является лишь определенная сумма задатков индивидов и социальных слоев, остальные бытийно представлены в рецессивном состоянии, но они все равно есть. Изменяющаяся историческая ситуация может поднять наверх эти скрытые задатки отдельного индивида, социальных слоев и даже народа в целом²⁵. А. Вебер даже делает заявку на новое направление в характерологии, утверждая следующее: «Все это относится к достаточно новой, под нашим углом зрения еще не написанной характерологии народов, в которой должна быть показана огромная способность характеров к изменениям и смещению суждений в рамках очень широкой амплитуды вариационности абсолютных сил при сложном и меняющемся типе, в котором они воплощены, и при маскировке сознания, во власть которой они отданы»²⁶.

Подведем итог наших рассуждений. Сложность, полифонизм феномена национального характера, в том числе русского, обуславливает полифонизм и взаимодополняемость методологических устано-

²³ Федотов Г.П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). – М.: Прогресс, Гнозис, 1991. – С. 12.

²⁴ См. Федотов Г.П. Русский человек (Письма о русской культуре) / Г.П. Федотов // Судьба и грехи России: в 2 т. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 163–187.

²⁵ Вебер А. Третий или четвертый человек. О смысле исторического существования / А. Вебер // Избранное: Кризис европейской культуры: пер. с нем. – СПб.: Университетская книга, 1998. – С. 221.

²⁶ Там же, с. 273.

вок в его исследовании. Ни один из перечисленных подходов не может быть проигнорирован. Однако в сугубо научном плане должен доминировать обоснованный в первичном варианте Г.П. Федотовым историко-генетический подход. Правда, при всем разнообразии мнений, точек зрения и публикаций по русскому характеру он оказался лишь концептуально заявленным и убедительно не реализованным, возможно, в силу большого объема труда, необходимого для выполнения всестороннего эмпирического исследования.

Возможности данного подхода возрастают по той причине, что закончился советский период истории России и начинается его историсофское осмысление. Открылось много новых источников материала, появилось в последние два десятилетия немало научных публикаций об особенностях «русскости», относящихся в том числе к нашему времени, которые должны быть проанализированы и учтены.

Литература

- Бердяев Н.А.* Русская идея / Н.А. Бердяев // Самопознание: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1997. – С. 11-248.
- Бердяев Н.А.* Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности. – М.: Мысль, 1991. – 207 с.
- Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. Репринт. воспроизв. изд. УМСА-PRESS, 1955. – М.: Наука, 1990. – 222 с.
- Вебер А.* Третий или четвертый человек. О смысле исторического существования / А. Вебер // Избранное: Кризис европейской культуры: пер. с нем. – СПб.: Университетская книга, 1998. – С. 199–374.
- Грошев П.В.* Экономические реформы в России через призму русской ментальности / И.В. Грошев // Социально-гуманитарное знание. – 2000. – № 6. – С. 25–46.
- Лосский Н.О.* Характер русского народа / Н.О. Лосский // Условия абсолютного добра: Основы этики. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
- Касьянова К.О.* О русском национальном характере. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 560 с.
- Кашиев В.Е.* Национальный характер: опыт философского исследования // Вестник Ивановского гос. ун-та, 2000. – 142 с.
- Лурье С.В.* Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 524 с.
- Перепелкин А.С.* Этнопсихология современного производства / А. С. Перепелкин // Человек. – 1990. – № 6. – С. 104–109.
- Трофимов В.К.* Душа России: истоки, сущность и социокультурное значение русского менталитета. – 2-е изд., испр. и доп.– Ижевск: ФГОУ ВПО «Ижевская ГСХА», 2010. – 408 с.
- Федотов Г.П.* Русский человек (Письма о русской культуре) / Г.П. Федотов // Судьба и грехи России: в 2 т. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 163-187.
- Федотов Г.П.* Лицо России / Г.П. Федотов // Судьба и грехи России: в 2 т. – СПб.: София, 1991. – Т. 1. – С. 42–46.
- Федотов Г.П.* На поле Куликовом / Г.П. Федотов // Судьба и грехи России: в 2 т. – СПб.: София, 1991. – Т. 1. – С. 102–122.
- Федотов Г.П.* Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). – М.: Прогресс, Гнозис, 1991. – 192 с.
- Чернышевский Н.Г.* Очерк научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1987. – Т. 2. – С. 544-623.